

Часть 20

Чукотка и Дальний Восток

Глава 65

Чучуна

В этой главе мы представим имеющуюся информацию о самом, по-видимому, загадочном объекте современной антропологии, от которого, впрочем, она, наука, вполне успешно отбивается, как и от других уже описанных объектов гоминологии. Речь пойдет о существе, называемом "чучуна" (*чучунаа, чочуна, сучуна* и похожие другие, а также *мюлен*).

Нельзя сказать, что люди науки никогда не сталкивались с этим объектом. Были попытки его серьезного изучения. Более тридцати лет изучению проблемы чучуна посвятил московский этнограф Илья Гурвич (1975). После окончания МГУ он отправился в заполярный Оленёкский район Якутской АССР для сборов этнографических и фольклорных материалов о жизни коренных народов Севера. Еще в студенческие годы ему были интересны имевшиеся публикации о "диких людях" на полярных просторах Северо-Восточной Азии. Казалось бы, они не могли существовать там в условиях длительных зим с жесточайшими морозами. Палеоантропы, если они и были там при более мягком климате периода мамонтов, должны были бы вымереть вместе с ними. Но рассказы жителей с реалистическими современными описаниями палеоантропов, о которых они не могли знать вследствие отсутствия у них соответствующего образования, обескураживали молодого ученого. И. Гурвич стал накапливать факты и познакомился с результатами работ предыдущих исследователей, извлекая из них сведения о диких людях тундры.

Информацию о них собирали в первой трети двадцатого века как самодеятельные энтузиасты, так и ученые. Первое фундаментальное исследование северосибирских "диких людей" выполнил профессор геологии Петр Драверт (1933), человек широких научных интересов.

Приведем те сведения о чучуне из материалов, собранных И. Гурвичем, которые характеризуют внешний вид и поведение этих существ.

Первое же знакомство с ними показывает, что эти существа разительно отличаются от тех, с которыми мы познакомили читателей в предыдущих главах книги. Не по внешнему виду – с этой стороны они обладают всеми атрибутами обычных крупных гоминоидов.

Это крупные человекоподобные существа, достигающие высоты, значительно превышающей рост обычного человека. Кожа лица и тела у них очень темного, черного цвета. Как тело, так и лицо покрыто густыми волосами, обычно темными. На голове волосы длинные, прямые, могут спускаться ниже плеч. Чучуна очень сильный. Он может бегать очень быстро, догоняя свою добычу. Нападает на людей. Бросает в них камни и палки. Иногда перед нападением оглушительно свистит, парализуя волю жертвы страхом. Членораздельной речью эти существа не владеют, но произносят различные звуки, которые кажутся нечленораздельными. Может быть, их язык непривычно артикулирован и просто непонятен.

О разительных отличиях можно начать с того, что их практически никогда не видят голыми, как других гоминоидов. Они одеты в звериные шкуры мехом наружу, обычно это шкуры оленей, закрывающие большую часть тела. Иногда шкурами укрыты и верхние части ног. Эта

часть одежды чучуна похожа на меховые штаны местных жителей – так называемые торбасы. Но обуви на ногах нет – чучуна бегают по морозным снегам и летним землям тундры босиком. Головных уборов у них также не замечается, а видна лента вокруг головы, придерживающая развевающиеся волосы.

Такая одежда имеет один слой кожи с мехом и натягивается на голое тело волосом наружу. Ее особенностью является то, что она не распаивается, и на ней нет швов и других следов шитья. Она цельная, "глухая". Местные охотники считают, что чучуна стаскивают шкуру с убитого оленя "чулком", как они сами снимают шкурки пушных зверей. Удалив лишние части шкуры оленя, чучуна натягивает ее еще во влажном состоянии на себя и так постоянно носит. Когда она со временем пересыхает и становится жесткой, чучуна сдирает ее с себя и заменяет новой шкурой недавно убитого оленя.

Далее следует еще более удивительное. Чучуна имеют оружие для охоты и нападения. Оно включает лук со стрелами и копья. Стрелы деревянные или пруты с каменными наконечниками. Качество наконечников низкое, они едва пробивают шкуры крупных зверей и одежды местных жителей. По-видимому, они могут успешно использовать такое оружие при охотах на птиц. Местные знают, что охота с луком и стрелами на водоплавающих может быть эффективней, чем с ружьем, поскольку первый же выстрел распугивает стаи птиц. Однако тактика использования этого оружия чучуной очень неумелая и примитивная. Обычно, начав стрелять, чучуна быстро выпускает все имеющиеся у него стрелы и становится безоружным. В случае нападения на людей он становится беззащитным и жертвой последующего возмездия.

Из статьи П. Драверта (1933):

"Существует следующее предание у тунгусов Усть-Яны: однажды чучуна сломал амбар, где хранился запас пищи, и украл все. Как раз в эту ночь пал снег; утром тунгусы собрали охотников и пошли по следам чучуна. Скоро пришли к одной пещере на горе и увидели, что вор сидит в пещере и ест украденную пищу. Чучуна оказался безоружным и не мог сопротивляться, только упал, будто прося пощады, что-то говорил нечленораздельно, похоже на мычание животных, и показывал зубы. Тунгусы, недолго думая, закололи его копьем."

Что касается копий, они также примитивны и представляют собой более или менее прямые заостренные стволы, иногда с каменным наконечником. По-видимому, они используются при охотах на оленей. Хотя и не всегда – чучуна способны догнать оленя и убить его руками. Иногда они удерживают пойманного оленя так – выворачивают ему рога к земле и втыкают их в крепкий куст или плотный снег. Животное самостоятельно уже не может освободиться. При отсутствии оружия чучуна используют камни, которые они бросают далеко и метко, а также палки.

Дополняют экипировку чучуны пояс и привязанные к нему нож и огниво для высекания огня. Этот нож может быть как украденный у людей, так, очевидно, и собственного производства. Очевидно потому, что в этом случае он бывает изготовлен из очень низкокачественного железа, массивный и так плохо выделан, что местные жители, найдя такое, не берут его по причине бесполезности. Но для ученых такая находка металла, выделанного первобытным (примитивным?) человеком (гоминоидом?), имела бы огромное значение при ответе на такой вопрос:

– Не являются ли чучуна первобытными людьми на стадии развития даже не каменного века, а входа в начало века железа?

Кроме того, среди жителей таежной Якутии, как и в других местах, где с присутствием гоминоидов приходится считаться, существуют поверья, что взять что-нибудь, связанное с гоминоидом, – значит навести на себя и свою семью несчастье.

Приведем, сохраняя стиль автора, некоторые конкретные свидетельства из книги И. Гурвича (1975), иллюстрирующие изложенные выше в краткой форме общие положения.

О случаях убийств чучуны.

Таких случаев довольно много. Чучуна угоняет у тунгусов оленей, целые табуны. При встрече с погоней он стреляет первым без перерыва и скоро стрелы кончаются. А тунгус, в это время стоявший где-нибудь за деревом или лежавший за бугорком, стреляет в безоруженного чучуну. На реке Мае в 1913 году, по сообщению Назарова, якут Мегинского улуса, по прозвищу Арджах, убил мюлена. Лицо последнего было покрыто шерстью, глухая одежда из оленьих шкур обтягивала тело. Провианта и оружия при нем не было. Учитель Булунской школы Собакин слышал от тунгуса В. Захарова, что его родственник около тридцати лет назад (т. е. в конце XIX в.) убил мюлена, одетого в "сплошной костюм". Тело его было черное.

Девяностолетний Н.И. Петров, уроженец Хатылинского наслега, по прозвищу Огоччен, рассказал такие предания:

"Дикие чучуна были большими пакостниками, устраивали разные проделки. Неожиданно появлялись ночью, кидали в спящих людей камнями со скал, затем исчезали во мраке ночи. Ловили оленей, завязывали им морды и отпускали так, чтобы они подошли с голоду; много оленей от того пропадало".

Во времена его молодости один знаменитый охотник эвен убил чучуну. *"Узнав врага, он направил прямо к нему дуло своего ружья. Чучуна обыкновенно всегда обращается лицом именно в ту сторону, куда ему показывают жестами. Чучуна и на этот раз повернулся назад, в сторону, куда обращено было дуло ружья охотника. Охотник выстрелил и убил его. Чучуна погиб, подняв руку вверх по направлению к небу и одну ногу тоже. Затем сразу скатился со скалы вниз головой в воду. При нем был, оказывается, лук деревянный со стрелой".*

В Булунском районе, расположенном в низовьях Лены, весной 1951 года старый якут Афанасий Шумилов рассказал И. Гурвичу обстоятельства, при которых он лично видел труп чучуны.

В молодости он обычно проводил лето в дельте Лены на островке. Рыбачил, охотился. Дело было, видимо, в двадцатых годах – "советская власть только стала". Зимой, объезжая пасти (ловушки на песцов – М.Т.) он заметил в одном распадке в осыпи торчащие мамонтовые бивни. Когда неподалеку осенью кочевали оленеводы, он одолжил у них два учага (верховых оленя) и поехал искать бивни. Слышал, что "экспедиционные" люди за кость большие деньги давали, а в устье их пароход пришел. Один клык Шумилов отыскал быстро. Откопал. И стал искать второй.

"Второй клык я отыскать не смог. Видно, вода смыла. Проехал раз по распадку – нет, второй раз – тоже не вижу. Тут собака залаяла. Что-то нашла. Спешился, пошел посмотреть. Запах падали чувствую. Раздвинул кустарник, в яме человек лежит, скорчившись, без шапки, волосы спутались, в шкуре, весь в земляной жиже, рядом копье. Кто бы это? Перевернул. Лицо все объедено мышами, черное, скулы торчат, глаз нет. Страшно стало. Замутило. Глянул на копье, понял – чучуна.

Кому еще быть? Наши здесь в тот год не охотились. Проезжавших я всех знал. Кинулся к своим оленям. Весь день ехал не оборачиваясь. Один олень устанет, на другого сажусь. Не знаю, как до дому добрался. Думал, заболею. Говорят, кто посмотрит, на чучуну – беда, ума лишится. Видно, у этого живая кровь ушла, потому и не заболел. Ну, собрал все, захватил своих, и откочевали мы на низ к людям. Долго не говорил – боязно. Потом нашему председателю, тогда его "советом" звали, сказал. Да что он поделает. Так и кончилось. До начальства дело не дошло".

Контрольными вопросами Гурвич пытался оценить убежденность рассказчика.

– Огоньер, — обратился он к хозяину, — может быть, в этом месте вода размыла могилу, труп и обнаружился. На Лене так ведь бывает.

– Бывает, — согласился Афанасий, — только тогда был бы гроб, одеяло или ровдуга, однако, так ведь не хоронят, всегда завертывают. А тут ничего.

- Ну, а почему не предположить, что какой-нибудь эвенк-охотник здесь сам помер?
- Опять не выходит. Кругом ничего не было, ни ружья, ни чайника, ни седла. Охотник-то так не пойдет.
- Может быть, какой русский заблудился, — не сдавался Гурвич.
- Ну, нет. Рубахи то не было, "товара" (материи) никакого. Да и зачем русскому копье? Вполне возможно, что чучуна сам умер в своем убежище (укрытой яме или норе).

Отец пастуха оленей Винокурова, ко времени опроса Гурвича уже умерший, в 1930-е годы имел столкновение с чучуной. Рассказ его сына:

"Отец летом выпасал своих оленей вместе с братом в низовьях Лены. Здесь же и охотились на диких оленей. Как-то он заметил, что олени разошлись, как будто кто распугал их. Собрал стадо. Стал перегонять на новое место, услышал свист. Думал, показалось. На завтра то же самое: опять олени разбежались. Два совсем далеко отошли. Поймал он своего мионера (верхового), стал собираться в погоню. Тут свист раздался, оглянулся, в тумане как будто бежит кто-то, догоняет. Снял берданку, выстрелил. Услышал крик. Опять вскочил на мионера и ну гнать оленей к своим. Сюда больше не кочевал. Убил ли, ранил ли — не знает, не смотрел".

Рассказчику тогда было лет десять, он гостил у дяди. Отец долго не объяснял ему, почему не возвращался в эту местность.

Следующий рассказ о столкновении с чучуной Гурвич получил от жены оленевода Корякина. Она подтвердила, что когда-то с мужем и детьми жила на заимке Маиндакан в низовьях Лены. Здесь ловили рыбу, неподалеку добывали дикаря – диких оленей. Связно рассказать о столкновении ее мужа с чучуной она не могла. Все же выяснилось следующее. В конце лета (видимо, в 20-х годах) она как-то заметила, что с вешал стала исчезать юкола (вяленая рыба). По ночам выли и лаяли собаки. Несколько раз, когда она подходила к юкольнику, слышался громкий свист. А как-то днем около юкольника рядом с ней упал камень. Тогда Корякина вместе с детьми заперлась в юрте и сидела там несколько часов в ожидании мужа, уезжавшего осматривать сети. Утром хозяин дома, взяв берданку, пошел посмотреть, кто подходил к юкольнику, но следов не обнаружил. А когда опять отправился на осмотр сетей, она услышала выстрел. Вскоре вернулся муж и велел собираться. Поняв, что он не хочет говорить о том, что произошло, она и не стала спрашивать. Как известно, охотники, северные якуты, старались не говорить при женщинах о своих делах. Обычай требовал также, чтобы женщины не проявляли любопытства. Им не полагалось вмешиваться в дела, связанные с промыслом. Быстро сложив и погрузив вещи, посадили детей и собак в карбаз (дощатая весельная лодка) и спустились вниз по реке к соседям.

В конце 19-го века войны людей с чучуной в районах нижней Яны велись смертельные. Оленевод, рыбак и охотник Христофор Алексеевич Слепцов в свои восемьдесят пять лет вспоминал о ярких событиях своей молодости. Разговор зашел о чучуне, которого Слепцов называл "дикий чукча".

"Дикий чукча не показывается людям. Свистит, когда близко к человеку подходит, прячется. Оленей крадет и съедает, а иногда и стада уводит. Очень быстро бежит – оленя догоняет. Когда его увидят, он хватается за стрелы и лук. Кончаются у него стрелы, берется за копье. Вот тогда в него стреляют. С тех пор как распространились берданки, диких совсем мало стало. Меня дикий чукча чуть не убил – полу у дошки прострелил.

Однажды только пришел домой, услышал свист. Потом в тордох (чум) полетели камни, земля. Из тордоха выскочил, схватил ружье. Оно около входа стояло. Рядом со мной в землю воткнулась стрела, другая задела доху. Я заметил, откуда летят стрелы, и спрятался за тордох. Как увидел врага – выстрелил. Убил. Оказалось; это человек. Одет в летние шкуры, ноги

босые, колчан за спиной. Волосы черные, щеки белые (здесь несостыковка с другими сообщениями, что кожа у чучуны черная – М.Т.).

– Ну, а потом что было? — спросил я.

– Ничего. Откочевали мы, вот и все.

– Зачем же он напал, свистел, кричал?

– Ким беляр (кто знает)? — простодушно ответил Слепцов.

– Еще случай был, — несколько помолчав, сказал он. — Около стада я тогда находился. Слышу свист откуда-то из ерника. Хорошо, берданка со мной была. Стал ползти на свист. Видно, он-то, дикий чукча, за мной следил. Стрелы полетели одна за другой. Потом в мою сторону с копьем бросился. Тут я выстрелил. Этот старый был. Борода, усы у него.

– Нельзя ли было просто отогнать этого чукчу-чучуну?

– Как отгонишь? Обойдет стороной, потом ночью всех переколет. Говорят, у нас раньше какого-то старика так дикий убил."

После этого с дикими он не встречался. Итак, перед Гурвичем оказался убийца двух чучуна.

На Нижней Индигирке также знали о чучуна.

"Худой чукча раньше приходил, — рассказал Гурвичу на заимке Карсино русский старожил Алексей Черемкин.— Уводил, говорят, оленей, таскал рыбу, айданил (безобразничал), пугал людей, кричал, свистел, хохотал. Не слышал, чтоб он кого-нибудь убил. На таком чукче надета завитая ровдуга. Теперь о них не слышно, наверно, пропали".

В индигирском варианте легенды упоминается, что чучуна, или "худые" чукчи, переправлялись через реки с помощью пузырей. "Пузыри", вероятнее всего, — это поплавки из желудка моржа, шкуры нерпы, или другого животного. Это позволяет сделать вывод, что чучуна, в отличие от гоминоидов Европы и Сибири, прекрасных пловцов, сами плавать не умели.

Дружеские отношения с чучуной

Из некоторых районов северной Якутии приходят рассказы и легенды, в которых чучуна предстают как добрые соседи якутов и эвенков. В этих случаях они характеризуются существенно обстоятельнее.

Известный исследователь якутского фольклора Г.У.Эргис записал у оленевода И.И. Лукашкина, 68 лет, легенду, которую он слышал в Жиганском районе в низовьях Лены:

"В одну тунгусскую семью среди зимы зашел чучуна, неся на плечах другого, который во время охоты на горных баранов упал с утеса и сломал ногу. Они зимовали в этой семье. Чучуна со сломанной ногой всю зиму пролежал, нога зажила в согнутом виде. Здоровый был очень быстрый в бегах, притаскивал на своих плечах убитых им диких оленей и горных баранов. Он поражал зверей стрелой из лука. Когда пришельцы научились языку хозяев, они рассказали: "Мы обитаем на скалистых горах. Огня не знаем. Живем в каменных пещерах. Существует исключительно охотой. Промышляем диких оленей, мясо их едим в сыром виде, шкурой их одеваемся. Шкуру оленя снимаем целиком и одеваем на себя: шкуру передних ног — на руки, шкуру задних ног — на ноги". Наступила весна, и в один теплый день чучуна ушли. Здоровый вышел из дома и побежал на запад, за ним покалеченный поскакал на одной ноге. Он, несколько не отставая, погнался за товарищем. На дорогу они не взяли съестных припасов. Сказали, что в пути будут кормиться охотой".

Не знаю, можно ли назвать похищение и удержание женщины специфическим выражением дружбы. Воспоминания о таком случае И.Гурвич выслушал в Верхоянском районе от старого оленевода Алексея Божедомова. В дни его молодости (своего возраста он точно не знал, но считал, что ему лет шестьдесят, т.е. случай произошел примерно в 1920-х годах) разнесся слух о каких-то странных существах, воруящих пищу из амбаров. Ценных вещей они не похищали. Необычайное заключалось в том, что голодный мог получить эту же пищу открыто. Зачем тай-

но забираться в амбары? В тот год поздней осенью в одном наслеге пропала девушка. Ее долго искали, но не нашли. Решили, что она ушла, заблудилась, лишилась от страха ума и погибла. Однако весной она вернулась в отчий дом в ободранном платье, но невредимая. На расспросы не отвечала. Единственная сказанная ею фраза было – "Они двое кормили меня зайцами". В себя она так и не пришла. Стала странная. Старики решили, что ее похитили какие-то дикие. После этого женщины и девушки долго боялись одни выходить из юрт с наступлением темноты. Позже несколько человек подтвердили рассказ Божедомова об этом случае.

Рассказ на ту же тему старушки Марковой, которая кочевала в низовьях Лены, жила в Верхоянском районе, свободно говорила по-якутски.

"Чучуна — дикие существа, появляются летом, свистят, пугают людей. Убивают таких диких около моря. Обороняются они луком. Рассказывают, один чучуна украл ребенка, а другой выкрал девушку и жил с ней полтора года. Забеременев, она убежала к родителям. Рассказала им, что жили они в теплой землянке, что чучуна – хороший охотник. Он кормил ее сырым мясом и салом оленей. Оленьи кожи не выдывал. Когда чучуна пришел за ней, люди застрелили его. Вскоре она родила сына. Когда он подрос, стал спрашивать, где его отец. Ему не отвечали. Хотел мстить за отца. Вот застрелили и его".

В 1954 году район этнографических исследований Ильи Гурвича был перенесен восточнее Якутии, на чукотскую Колыму. Здесь он услышал несколько совсем свежих историй.

Бабушка Марый, мать бригадира оленеводов, немало поездила на своем веку. Она бегло говорила и по-эвенски, и по-якутски, и даже неплохо объяснялась по-русски. К тому же старушка была словоохотлива — клад для этнографа. На разговор о диком человеке она вышла сама, поделившись беспокойством, что летом им придется перекочевывать в те места, где за два года до того (в 1952 году) они сталкивались с таким существом. В их семье этим летом две женщины собирались рожать, а дикий мог их испугать, и дети в результате выросли бы нездоровыми. Бабушка рассказала:

– Бродит там какой-то, свистит. Года два там уже не рыбачим. У меня вот несколько юкол унес. Страсть боялась. Какое-то чудовище рядом. Заколет. Хороший человек разве будет воровать, свистеть. Он прямо в тордох идет. А вязать оленя зачем? Может, силу кажет. Вдруг да детей унесет. Ума лишит может, — продолжала Марый.

– Кто же это?

– Говорят, сендушный — "худой" чукча.

Из дальнейшего рассказа собеседницы следовало, что дикий не только свистел, но и бросал камни. Один из мужчин видел, как он убежал — "чисто летел". Непрошеного пришельца боялись, но за подмогой не послали. Ехать далеко. Потом пришелец исчез. Все выглядело так же, как рассказывали о чучуне в низовьях Лены и Яны, но названия чучуна она не знала.

Более четко разъяснил представления населения о "диких" коневод чукча по прозвищу Академик, которое он заслужил, будучи много раз проводником в разных экспедициях. Перед отъездом Гурвич спросил его в шутку, не примут ли их на Колыме за диких чукчей, так как они основательно за дорогу пообносились. Но Академик вполне серьезно ответил:

– Нет, дикие чукчи всегда подходят скрытно, свистят и бросают камни.

– Погоди, разве ты не чукча? — спросил Гурвич.

– Чукча, — ответил он.

– Разве дикие чукчи — это не обычные чукчи, подбирающиеся к русским селениям?

– Нет, — сказал Академик. — Я сам видел диких, совсем необычные чукчи. В меня кидал камни, свистел. Я ему кричал по-чукотски: "Чего шумишь, у меня тут казенный груз — охраняю". А он кидает. Какой это чукча? Дикарь. Стрелял в воздух. Несколько раз так было.

– Кто же это — дух, черт?

– Не знаю, только есть такие.

Не верить его словам у Гурвича не было оснований.

Один из собеседников припомнил случай, когда русские колымчане застрелили какого-то дикого.

Приведенными сообщениями в целом исчерпывается список фактических наблюдений чучуны разных времен в книге Ильи Гурвича. На первый взгляд кажется, что он вполне достаточно для получения обоснованных выводов о природе этих то ли еще гоминоидов, то ли уже людей. Но в конце книги автор приводит такие заключения, с которыми трудно согласиться. К ним мы вернемся в конце этой главы, а до этого продолжим знакомство с сообщениями из других источников.

В коллекции информации о чучуна явно чувствуется недостаток их изображений. В монографии (Богораз, 1939) приводятся три изображения, выполненных примитивными туземными художниками.

На первом рисунке изображены волосатые существа *келет*, людоеды, которые похитили человеческого ребенка и собираются его съесть. Первый уже приступил к этому. Второй старается отнять у него свою долю. В Богораз пишет, что на оригинальном рисунке были изображены отчаявшиеся родители, стоящие в стороне.

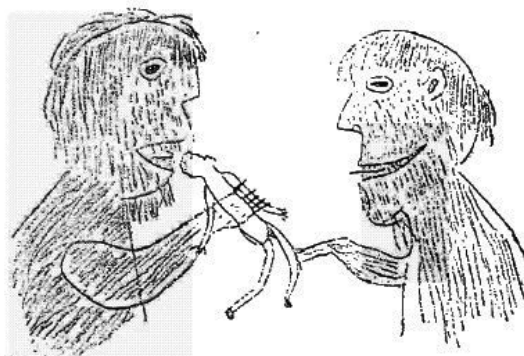

Рис. 9. Чукотский рисунок, изображающий двух волосатых каннибалов.

Второй рисунок изображает великана *келета*, пришедшего в страну с моря. Его чукотское название – "моржовым мясом одетый". Он был очень силен и повсюду оставлял глубокие следы. Все его боялись. Однажды он лег спать на открытом месте. Три человека увидели его неподвижным и привязали канатами к кольям, а затем убили копьями.

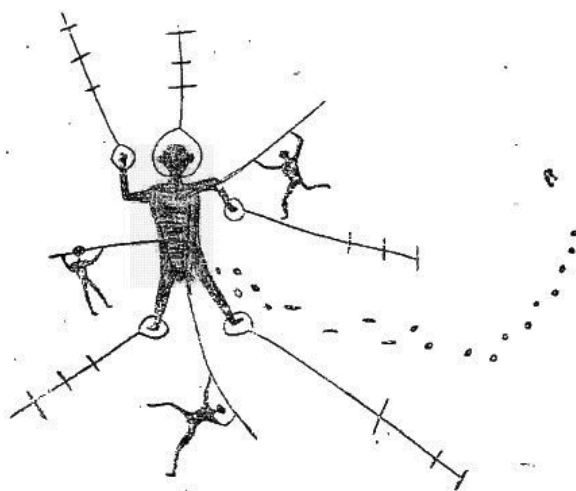

Рис. 10. Чукотский рисунок, изображающий великана, убитого...

На третьем рисунке изображена только голова *келета*. Чукчи часто изображали только голову существа. Раньше у них были поверья, что келеты – "худые (плохие) чукчи", закапываются в тундре по шею в землю, оставляя сверху только голову, и в таком виде поджидают добычу. Вероятно, такое представление имеет то основание, что чучуна прекрасно подкрадываются к добыче (и к людям также) и стремительно нападают на нее, как будто выскакивая из земли. На этом рисунке можно отметить реалистичные черты лиц гоминоидов, известные по наблюдениям в других районах.

Чукотский рисунок головы чучуны.

Это:

- резко опущенные вниз внешние углы разреза век, придающие взгляду гоминоидов специфический характер;
- очень широкий нос с вдавненной переносицей;
- необычайно большой разрез рта;
- лицо морщинистое и волосатое.

Георгий Алексеевич Сидоров, помимо проведения исследований в Сибири, в 1980-1990-х годах собирал информацию о чучуна в Якутии. Некоторое время он жил там постоянно, работая учителем в поселке Меленный. Ниже приводим из его большого сообщения часть, относящуюся к Якутии, (ИМ, Вып. 11, № 689):

"Информация, собранная мной о загадочном чучуна в Якутии, сравнительно невелика. О чучуна знают якуты – пастухи, оленеводы и охотники, а также русские старожилы охотники. По их рассказам, он, как и везде, очень редок. Но некоторые рассказывают очень реально. Не раз приходилось слышать об уникальных скоростных качествах чучуна. Различают две разновидности, чучуна. Чучуна Западной Якутии главным образом охотник на дикого оленя. О способах охоты его на диких оленей говорят следующее: чучуна незаметно ползком подкрадывается к стаду, вскакивает, короткую дистанцию бежит с огромной скоростью, а, догнав оленя, хватает его за рога или за голову и, резко тряхнув, ломает ему шею. Иногда чучуна преследует и молодых лосей, но крупного сохатого не трогает. Рост чучуна Западной Якутии не уступает росту чулука и майгики, но о его образе жизни удалось узнать очень мало. Ясно одно: человек-зверь якутской тундры – гость. Он приходит туда из тайги, как правило весной, вслед за северным оленем, а осенью покидает тундру и уходит в тайгу. Спугнутый человеком на открытом месте, стремится уйти в лес, под прикрытием деревьев. Иногда уходит в болота. Как и где зимует, выяснить не удалось. Некоторые якуты, со слов дедов, считают, что на возвышенных местах среди болот и озёр чучуна выкапывают себе в оттаявшем грунте пещеры и там живут, но сами подобные логова не видели.

Помимо чучуна, в Восточной Якутии рассказывают о человекоподобном существе, которое называют пикилян. Слово "пикилян" значит – обезьяна. Пикилян среднего роста, редко чуть выше, коренастый, очень сильный. По долинам рек он почти никогда не встречается, а в горах. Если верить охотникам, эти существа вполне обычны. В ряде мест хребта Черского и Аргатаса о нем говорят так же запросто, как о снежном баране или олене. Любопытен рассказ, который в Меленном знают буквально все: в Момском районе пикилян украл женщину, привел в пещеру. В этой пещере он прожил с ней почти год. Женщина родила ему ребенка – сына. Тогда пикилян забрал ребенка себе, а женщину отвел к людям.

Женщина не смирилась с потерей ребенка, привела к пещере людей, но там уже никого не было, ни хозяина, ни ребенка. Пикилян ушел, и унес с собой сына. Называют имя и фамилию этой женщины, но по понятным причинам я их привести не могу. По словам женщины, лесной сожигатель был почти как человек, только не говорил. Женщина жива до сих пор (записано в 1989 году – *М.Т.*), живет она в Хамково. Рассказ этот записан со слов односельчан, автор с этой женщиной не встречался. Рассказов о проделках шегошена и чучуна в горах хребта Черского множество. О них рассказывают эвены и юкагиры, оленеводы и охотники. По моим наблюдениям, древние жители Восточной Сибири пикилянов старались избегать. Старики до сих пор о них стараются не говорить, тем более с первым встречным. Вот почему фольклорный материал по Якутии так скуден. Автор черпал свои сведения о них в основном у молодежи, а молодежь знает мало. Складывается впечатление, что суеверный страх перед пикилянами, присущий старшему поколению, передается и молодым оленеводам. Иначе как можно объяснить такие случаи, когда пикилян забирает у охотника снежного барана или оленя и тащит его в свою пещеру или какую-то расщелину, а человек с ружьем ему всегда уступает...

С трудом удалось выяснить способ охоты пикилянов на снежных баранов. Со слов оленеводов Семчальского района Магаданской области, пикиляны, а их иногда бывает два или три, выследив стадо пасущихся снежных баранов, взбираются выше объекта своей охоты и с высоты точным и сильным броском камня, а кидают камни они метко и на очень большое расстояние, поражают свою добычу. Иногда волосатые люди резко пугают круторогов. Панический страх загоняет молодых и неопытных животных в пропасть, где они погибают и их подбирают охотники. (Археологи предполагают, что именно так охотились первобытные люди, но у нас до сих пор не было подобных сведений о подобных приемах охоты реликтовых гоминоидов. Не наваяно ли это литературой на образованных местных жителей. Есть такое опасение, тем более, что в Якутии работало много археологических экспедиций, в которых трудились и трудятся местные жители, слушают по вечерам у костра рассказы специалистов. – Прим. В. Макарова).

Добыча диких горных оленей пикиляном похожа на охоту якутского чучуна, только в горах лохматое чудовище широко использует камни и пропасти. Эвены и юкагиры знают и какие-то другие способы охоты пикилянов, но рассказать о них не захотели не только мне, но и своим детям. Это говорит о том, что в горах пикиляны истинные хозяева и не очень боятся человека, если иногда они даже забирают добычу у охотников. Пикиляны иногда покидают горы и спускаются к озерам и речкам, где питаются корнями растений и ягодами.

В личном письме Н.К. Максимова Георгий Сидоров в марте 1993 года писал:

"Из Якутии от одного охотника недавно получил письмо. Он пишет, что знает два вида чучуна.

В горах живет вид размером с человека, не больше. Он очень быстрый, пользуется палками и камнями, живет семьями, прячется на отвесных скалах, в расщелинах и пещерах. По его словам, этот вид распространен в Арга-Тасе, на хребтах Черского и Верхоянском. Каждая семья имеет огромную охотничью территорию и живет оседло. Этот вид имеет более светлую шерсть, почти пепельного окраса, под цвет камня. Представители этого вида, по словам пастухов эвенов, не боятся огня и даже пользуются им в сильные морозы.

Другой вид чучуна огромный и редкий. Он предпочитает равнины и редок в горах. Он агрессивен и очень быстр в беге. Семьями он не живет. Его местообитание – бассейн Коркодона (правый приток Колымы – М.Т.) и Юкагирское нагорье. Высоко в горы он не поднимается, охотится, в основном, на оленей. Причем, за оленем не гоняется. Его жертва, ни с того, ни с сего, начинает бегать вокруг него по кругу, как слепая, и когда приблизится к нему, охотник спокойно ловит ее за рога и ударом руки ломает шею".

То, что гоминоды способны оказать на людей сильное психологическое воздействие, в частности, подвергнуть чувству страха, демонстрируется многими наблюдениями. Но описанный сейчас способ ловли ими оленей приводится впервые и нуждается в подтверждении. Аналогии с охотой змеи на лягушку здесь нет, поскольку исследования зоологов показывают – лягушки прыгают к пасти змеи не под ее гипнозом, а вследствие особенностей своего зрения: принимают движущийся язык змеи за насекомое, которое необходимо поймать.

Добавим в список похищений женщин, которые числятся за чучуна, сообщение из якутской газеты (Черемкин, 1959, ИМ, Вып. 5, № 155):

Это было давно, но не очень, хотя точное время не вспоминается. Потерялась родная сестра отца рассказчика, т.е. его тетя Лидия Петровна Слепцова из колхоза "Коммунизм". В то время она находилась в стороне реки Момы. Через полтора месяца ее нашли в чуме одинокой старухи, почти голой. Она держала в руках оленьи вожжи и не отпускала их. Когда люди вошли в чум, она пыталась убежать, но ее задержали и отобрали вожжи. Она стала плакать навзрыд. В течение трех-четырех дней она не ела и не разговаривала.

Потом сама Лидия рассказала, как она жила среди чучуна-"хээдьёков". Их было семеро мужчин, женщин не было. У них были волосатые лица, их цвет напоминал кору деревьев. Они были очень высокого роста. Все время они ходили по ручьям, по каменистым местам или горам. Они разговаривали как-то непонятно для человека, пискливо. Ее постоянно таскали на

спине или на руках. Особенно старательно заботились о ней двое. Они не носили одежды, Лидия не видела, чтобы они что-то снимали. Когда она чувствовала голод, один из них давал ей что-то нюхать, после чего она чувствовала себя сытой. Ночью они спали, окружив ее со всех сторон. Она не помнила, как смогла убежать от них. Позднее она вышла замуж, имела детей и умерла около тридцати лет тому назад, т.е. около 1930 года.

Из письма жителя пос. Батагай, Якутия, А.К. Сидорова от 12 ноября 1990 года.

Он сам выслушал сообщения председателя Табалахского сельсовета, историка по образованию, Егора Петровича Ефимова и преподавателя истории в местной средней школе Петра Ивановича Эверстова.

Событие 1. Один охотник рассказал (присутствовал и переводил Е.Ефимов), что в одном из удаленных стойбищ жила женщина, к которой приходили двое чучуна. Они были одеты в оленьи шкуры и имели каменное оружие. Разговаривали с ней на эвенском языке. При появлении других людей сразу же уходили.

Событие 2. В 1974 году в Табалахе скончалась М.П. Атласова. Примерно в 1920-х годах ее из стойбища украл чучуна. Он прожил с ней три года в какой-то пещере. Огня не было, они питались сырыми продуктами. Она обучила чучуну якутскому языку. Через три года он вернул ее в стойбище со словами: "Если буду жив – через три года вернусь". И не вернулся. Атласову специально подпаивали, чтобы выведать, как они жили, как выглядит чучуна. Но она никогда никому не рассказывала.

Эти сообщения дают основания для многих выводов:

– Чучуна имеют речь, хотя и с необычной для нашего уха артикуляцией. Если их можно отождествить с некоторой формой неандертальцев (например, человека из Денисовой пещеры), то это дает ответ на вопрос, над которым еще бьются современные ученые – была или отсутствовала у неандертальцев речь.

– Они при необходимости собираются в группы, а не ведут жизнь одиночек, как утверждают некоторые этнографы.

– Они ведут образ жизни охотников-собираателей, которые даже в таких суровых северных условиях не видят смысла делать запасы – захотел есть, поймал какое-нибудь животное, наелся.

– Они владеют знаниями, которые неизвестны европейским ученым – запах какого-то вещества снимает чувство голода.

По-видимому, опытный исследователь найдет у них и другие интересные черты.

Другие оценки поведению чучуна дает в письме Игорю Бурцеву член Булунского райкома комсомола Зинаида Макарова (письмо от 21 января 1982 года):

"Это существо довольно дружелюбно и не агрессивно по отношению к людям. Однако женщины их боялись, поскольку как будто они крали женщин. Чаще подглядывали, подсматривали за женщинами, спрятавшись (зарывшись) подо мхом (см. выше комментарий к рисунку головы чучуна – М.Т.). Хихикали во время их туалета. Так мне рассказывали несколько человек".

З. Макарова приводит также два рассказа члена парткома Николая Егоровича Андросова, которые противоречат ее мнению о дружелюбии чучуна.

Первый из них о том, как его дед убил чучуну. Он ехал на оленьей упряжке по тундре, когда за ним погнался огромный чучуна. Он, сам обросший волосами, был в шкуре оленя, надетой целиком – и на руки, и на ноги. Дед стал гнать оленей, но чучуна бежал еще быстрее, стал нагонять и бросать в него (камни?). Тогда дед выстрелил и ранил чучуну. Он был испуган и помчался домой, не посмотрев. Дома ничего не рассказал.

На следующий день он вернулся туда, чучуны на месте не оказалось. Дед начал искать по кровавому следу, нашел в отдалении уже мертвого и похоронил. Перед своей смертью он рассказал сыну и внуку об этом "грехе", чтобы не уносить его в могилу.

Макарова также сообщила, что знает местного старика, которому известно о другой могиле чучуна, и он может ее показать (начало 1980-х годов). Но никто не захотел этим воспользоваться.

Второй случай произошел с отцом Николая Егоровича, оленеводом. Однажды у него потерялись два оленя. Он долго искал их, думал, что задрали волки, поскольку в это время на 80-100 км вокруг не было ни души. Нашел он оленей в овраге. Они лежали, привязанные рогами лбами друг к другу ветками тальника. Ветки были прочными и гибкими, как бечева. Сделать это мог только очень сильный человек, чучуна, который там проделывал подобное не раз, а также похищал оленей.

Летом 1974 года в Якутию отправилась небольшая самостоятельная экспедиция в составе Виктории Пупко и Владимира Пушкарева (1975, 1978). Они услышали удивительные рассказы о диком лесном человеке, чучуна. Они установили, что тогда они имели резко очерченный район распространения. Это горные массивы, расположенные к востоку от реки Лены и в междуречье рек Яны и Индигирки, но особенно Верхоянский и Полоустный хребты.

Они приводят типичный для южного Верхоянья рассказ, записанный на речке Хобойотту, в одной из оленеводческих бригад со слов Татьяны Ильиничны Захаровой, 55 лет, эвенки по национальности:

"После революции, в 20-х годах жители нашего села встретили чучунаа, собирая ягоды. Он тоже рвал ягоды и обеими руками засовывал их себе в рот, а когда увидел людей, встал во весь рост. Он был очень высок и худ, говорят, больше двух метров. Одет в оленью шкуру, босой. Имел очень длинные руки, на голове лохматые волосы. Лицо большое, как у человека, но темней. Лоб был маленький и выдавался над глазами как козырек. Подбородок большой, широкий, гораздо больше, чем у человека. А так похож на человека, только намного выше ростом. Через секунду он побежал. Бежал очень быстро, высоко подпрыгивая после каждого третьего шага".

Горохова Елена Афанасьевна, жительница поселка Хайысардах Верхоянского района в начале 20-х годов сама видела чучунаа:

"Вскоре после революции, году в двадцать первом, мы косили сено в долине речки Ниэм (приток Яны). Где-то в середине дня я варила обед на поляне недалеко от речки. Мужчины в это время косили сено, и я оставалась одна. Вдруг метрах в сорока я услышала треск в кустах, и на поляну вышел необычный человек огромного роста, на три головы выше наших мужчин. У него были длинные растрепанные черные волосы. На теле и ногах плотно сидела оленья шкура. Лицо было очень темное. Я не разобрала, какое оно у него. Он сильно сутулился, руки были очень длинные, до колен, и тоже мохнатые, в шерсти. Человек быстро пересек поляну, даже не посмотрев в мою сторону, наверное, не видел меня. Я испугалась, потому что не знала, кто это. Вечером, когда все собрались, мне сказали, что это был чучуна".

Очень много об этом слышал в сороковом и сорок шестом годах бывший сотрудник Якутского научно-исследовательского института языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР И.И. Барашков, когда он работал в Ленской историко-археологической экспедиции. Тогда он записал рассказ Ивана Винокурова, председателя Арыкского поссовета Булунского района, эвенка по национальности.

Его отец еще в царское время в устье реки Оленек по возвращении с охоты в сумерках встретился с чучунаа – гигантом, одетым в оленью шкуру. Чучунаа громко свистнул, отец выстрелил, и тот упал лицом вниз. Когда отец раздел его, тело чучунаа оказалось густоволосатым. Он надевал оленью шкуру очень плотно на себя. Такое бывает, когда делают чучело. Голова у чучунаа – продолговатая. Нижняя челюсть выдается вперед.

Общие выводы Пушкарева и Пупко:

"В результате этих исследований нас прежде всего поразила строгая приуроченность рассказов о встречах с чучунаа к определенной территории. Это горные массивы, расположенные к востоку от реки Лены и в междуречье рек Яны и Индигирки, Верхоянский и Полоусный хребты, а также устья рек Оленек, Лены и Яны. Рассказы уводили нас все дальше на восток, на северную Колыму и Чукотку.

В Центральной и Западной Якутии, про чучунаа чаще вообще не знают, а если знают, то упрямо прописывают в далеком Верхоянье (Там гоминоиды известны под другими названиями – *прим. М.Т.*). Когда же мы приехали в селение Хайысардах Сайды-Верхоянского района, поехали на горные пастбища к оленеводам, рассказы о чучунаа посыпались на нас как из рога изобилия. И чем больше мы их слышали, тем образ чучунаа проявлялся все яснее, превращаясь из сверхъестественного во что-то почти реальное.

На северо-востоке же Якутии в одних местах, по рассказам, он встречался постоянно, в других заходил лишь изредка.

Особенно "урожайной" на рассказы о чучунаа оказалась долина реки Адычи (приток реки Яны) — один из самых труднодоступных уголков Якутии. Даже сейчас человек — редкий гость в этих местах. Если не хотите плыть восемьсот километров по порожистой, бурной реке, зажатой между крупными скалами и болотистой тайгой, летите вертолетом. Здесь мы записали множество рассказов о том, что прадеды современных оленеводов не раз наблюдали детенышей чучунаа, переплывавших в ледоход реку и воровавших у них пищу. В 100 километрах от устья реки стоит небольшой поселок Адычи. Количество рассказов о встречах с чучунаа возрастает в этих местах в несколько раз. Если принять существование чучунаа как реальность, то можно предположить, что именно в долине Адычи происходило их размножение.

Чучунаа только не имел фантастических атрибутов, характерных для сказочных персонажей, но и обладал самой разнообразной человеческой внешностью. То он могучий, крепкий, ростом больше двух метров, страшный и опасный для человека, то очень высокий и очень худой, "наверное, больной", говорили очевидцы. Поражает строгая приуроченность появлений чучунаа и к определенному времени. По всем рассказам, его особенно часто встречали в конце прошлого и начале этого столетия. В 1920-30-е годы встречи с ним стали значительно реже, а в 1950-х годах нами зарегистрировано всего две встречи с чучунаа в районе реки Адычи. Ко всему сказанному следует добавить, что наряду с рассказами о чучунаа, в Верхоянье ходят рассказы о редких находках скелетов человека необычайно большого размера, чаще всего адресуемых в бассейн реки Адычи".

К сожалению, другие записи о встречах с гоминоидами в Якутии после гибели В. Пушкарева не сохранились.

Полистаем "Уранхай Сахалар" — труд известного советского историка и этнографа Г.В. Ксенофонтова. Вот что он пишет: "Чучунаа – человек. Питается охотой на диких оленей. Ест мясо в сыром виде. Говорят, с дикого оленя целиком сдирает шкуру, как мы сдираем шкуру с песка. Эту шкуру натягивает на себя. Он будто бы живет в норе, наподобие медведя. Голос у него противный, хриплый и трескучий. Свистит, пугает людей и оленей. Люди встречают его весьма редко, часто видят убегающим... Лицо у чучунаа черное, в нем нельзя разобрать ни носа, ни глаз. Чучунаа видят только в летнее время, зимой он не бывает".

Как известно, из подготовленных сборников Информационных материалов комиссии по изучению вопроса о "снежном человеке" под редакцией Б.Ф. Поршнева и А.А. Шмакова типографским способом были изданы выпуски с 1 по 4. Другие выпуски существуют в виде машинописных рукописей, практически недоступных для широкого круга ученых. В пятом выпуске, которым мы располагаем, имеется три документа о чучунаа.

Из рассказа Надежды Ивановны Гогиной, геолога экспедиции треста "Аэрогеология", Якутия. Запись 18 августа 1960 года (ИМ, Вып. 5, № 153):

"У нас в этом году были исключительно хорошие оленеводы, по-видимому, эвенки, проявившие хозяйственность и знание тайги – старший Егор Павлов и младший Василий Федоров. Василий хорошо говорит по-русски, и как-то к слову в шутке упомянул слово "чучуна". Я по-

интересовалась смыслом нового для меня слова, и оказалось, что у них есть много рассказов о диком человеке (чечуна – дикий человек).

Вначале они вместе с Егором очень неохотно говорили о чечуне, а потом стали рассказывать много о том, что у них водятся дикие люди.

Чечуна – очень большой, высокий, волосатый, с большой ступней ("след большой"). Но не совсем человек – черт, наверное. Живут дикие люди в Верхоянском хребте. Видели их оленеводы-пастухи в районе пастбищ Кыштатимского колхоза, Жиганский район, в верховьях рек Мянгкяря, Джарджан, Собопол высоко на хребтах. Раньше их видели чаще, теперь – реже. По окраске существо похоже на медведя, живет в пещерах у границы снегов.

Дикие люди любят утаскивать детей, иногда похищенных возвращают. Приносят на то самое место, где похитили, иногда по прошествии нескольких лет. Дети рассказывают, где и как они жили в это время. До войны случаев похищения было больше, сейчас они бывают реже. Василий рассказал, что у зятя Егора, Николая Колтовского, жителя поселка Кыстатим, чечуна украл братишку. Он не помнил точно, было ли это до войны, или в 1947 году. Но помнили – мы след видели – был большой-большой человек".

Следующий документ №154 содержит отрывок из статьи А.П. Окладникова (1949). Он содержит важное указание на черты жизни чучуна. Приведено свидетельство, что когда чучуна покидает горы и находящиеся там пещеры, он способен построить себе каменное убежище – искусственную пещерку:

"Чочуна имеют в горах избушки каменные – пещеры. Знал хорошо о них якут Макаров в Чокуровке. Он был хорошим охотником. Ночевал в чочунских избушках и добывал торбаганов. Такие чочунские избушки встречаются по правому берегу реки Лены ниже Чубукулаха и вплоть до острова Столб. Макаров находил в природных (? – М.Т.) этих избушках рога и шкуры оленей. Иногда эти избушки встречаются и на левой стороне Лены".

Следующий эпизод из статьи Окладникова показывает физические возможности чучуны, несравнимые со способностями современного человека:

Охотник Стручков из Тюмятинского наслега зимой 1937-1938 годов видел "чочуна" своими глазами. Вечером он поднимал песцовую пасть (ловушку), и неожиданно видит – рядом стоит высокий человек. Испугался охотник, кинулся к своим оленям и поехал домой. Человек тот – за ним и догоняет! Ехал охотник 60 км без остановки. Тот отстал, его не стало видно. Стручков тогда остановился, устроил оленей. Взял топор в руки и закопался, спрятался в снег, заснул. Спал долго, до следующего вечера. Проснулся, смотрит, у одного оленя обоих рогов нет. Срубил их чучуна, а самого оленя оставил.

Окладников беседовал с этим парнем. Наверно, он убил этого чучуну, только не сознается, отпирается. По рассказам местных жителей, когда чучуна бывает где-либо, там дичи, дикого оленя, песцов тогда не бывает. Ведь он охотник. Местные охотники поэтому с ним встречаются с боем, обязательно его стреляют. Встречается чучуна на одной и той же местности всегда через несколько лет.

Петербургский исследователь Валентин Сапунов опубликовал (2005) рассказ о наблюдении на крайнем северо-востоке рассматриваемого района. Он имеет особенную ценность, поскольку исходит не от местных жителей, впечатления которых могут отражать некоторые их мифы и верования. Инженер-гидролог Олег Владимирович Шаров сообщил ему следующее:

"В 1989 году был я в экспедиции от Ленгидропроекта на реке Амгуэма в Иультинском районе Чукотки, в Магаданской области. Работали в 50 км от ближайшего поселка. Связь с внешним миром – по рации, новости – по небольшому радиоприемнику. Из всех средств передвижения – моторная лодка, да и то в короткий летний период. Иногда нас посещали гости – охотники, рыбаки. В середине июля из поселка Эгвенкино приехал местный краевед. Он и поведал мне, что в верховьях реки Амгуэмы в 1988 году зимой охотники встретили странное существо, похожее на человека, но только очень большого роста, покрытое светло-серой шер-

стью. Оно пыталось проникнуть на продовольственный склад, устроенный охотниками. Когда охотники с грохотом подкатили на снегоходе, существо скрылось. Гость уехал, история постепенно стала забываться.

Но вот моя жена Виктория, с которой я работал в экспедиции, стала рассказывать, что слышала какие-то страшные крики из сопки. Я успокаивал, говоря, что это, возможно, крик полярной совы, но Вика не верила. В конце октября мы с Викой остались одни на метеостанции – наши товарищи уехали в поселок за продуктами. 20 октября я выполнял наблюдения в полутора километрах от метеостанции. Дул сильный ветер с мокрым снегом, видимость была плохая. Я спускался с сопки, выполнив работу, когда впереди метрах в 20 увидел большую серую шевелящуюся массу.

Медведь – мелькнула мысль, но масса медленно выпрямилась, и волосы у меня под шапкой зашевелились и встали дыбом. Передо мной стояло огромное обезьяноподобное существо с могучими мускулистыми руками, свисающими до колен. Оно посмотрело прямо на меня. Помню сильное чувство ужаса, какую-то беспомощность. Встреча длилась секунд 10-20. За это время я успел хорошо разглядеть существо. Мощное тело его было покрыто светло-серой длинной шерстью. Она сглаживала атлетическое телосложение, но не скрывала физической силы. Рост его (а это, несомненно, была особь мужского пола), казался 220-230 см. Но так как существо находилось несколько ниже меня по склону сопки и стояло, сильно сутулясь, оно могло быть и несколько выше. Особенно запомнилось его полностью обволосенное, с глубоко посаженными глазами лицо. Под глазами волосы отсутствовали. Само лицо сильно напоминало обезьянье. Волосы (или шерсть) создавали впечатление усов и бороды, которые полностью закрывали ротовое и носовое отверстия, ушей также не было видно. Голова была округлой формы, посажена на мощный торс безо всякого намека на шею.

Существо резко повернулось, сутулясь, побежало вниз по склону сопки и скрылось в пелене падающего мокрого снега. Тело мое била дрожь, пришлось опуститься на землю, чтобы немного прийти в себя”.

В ноябре 1984 года на заседание семинара по снежному человеку при Дарвиновском музее в Москве пришел киноактер Мосфильма Виктор Чеботарев. Он посчитал важным поделиться с исследователями рассказом о событии, которое произошло с ним и его друзьями 15 лет тому назад (ИМ, Вып. 9, № 459). Тогда ему было 20 лет.

“Я тогда жил на Чукотке. В августе 1970 года мы втроем были на охоте. У каждого из нас была мелкокалиберная винтовка. Пробродив впустую весь день, мы направились к автомобильной дороге, Колымскому тракту, чтобы на попутной машине доехать до дома. Было около 23 часов, но солнце еще только приближалось к горизонту. Для развлечений мы стреляли по чему попало.

Идя вдоль линии электропередачи (которую мы сами строили, работая в стройотряде), мы увидели под одним из столбов какую-то темную кучу. Решив, что это брошенная пустая бочка из-под бензина, мы решили выстрелить в нее залпом. Выстроившись в одну линию, мы прицелились. Кто-то из моих спутников начал считать: “Раз, два..”. Хорошо, что он не успел сказать “три”, и мы не выстрелили. Так как этот огромный предмет вдруг поднялся, выпрямился и превратился в огромную человекоподобную фигуру. Нас поразило, что рост ее достигал половины телеграфного столба, то есть составлял 3 метра, не меньше. Солнце светило несколько сбоку, но в лицо, и поэтому мы видели только темный силуэт очень массивной человеческой фигуры, с огромной шириной плеч, могучим торсом и толстыми, слегка согнутыми руками. Голова была круглой. Человек медленно выпрямился, развернулся влоботорота в нашу сторону, будто хотел посмотреть на нас, и медленными шагами, но довольно быстро, прошел в сторону реки, которая текла в низине. Через несколько секунд он стал спускаться к реке и скрылся из вида. Когда он скрылся, мы не сговариваясь, пошли в сторону трассы. Невольно шаги ускорялись, и потом мы уже бежали кратчайшим путем туда, где могли быть люди.

Добравшись до расположенной на трассе шоферской гостиницы, мы рассказали о случившемся. Нас слушали внимательно, не перебивая, но никакой реакции не последовало. Обычно, когда кто-то скажет, что видел неподалеку какого-то зверя, например, медведя, то кто-то из слушателей хватается за ружье, а ружье тут есть у каждого, и бросается в указанное место. На этот раз ни у кого такого желания не появилось. Там же сидел и чистил рыбу дорожный мастер Никитин, который обслуживал этот участок дороги уже 12 лет. На наш вопрос, что такое мы видели, он ответил только, что за 12 лет он и не такое здесь видел.

Я помню, что за все время пока мы бежали, мы не обменялись ни одним словом, так испугались. В памяти по прошествии стольких лет осталось ощущение чего-то сильного, мощного, непохожего ни на что известное.

Расспросы чукчей ничего не объяснили, так как их в таких случаях трудно понять: они начинают смешивать реальное с фантастическим. Они употребляли слово "хозяин", но так они называют иной раз и медведя. В том, что это был не медведь, мы были уверены, так как фигура этого существа была вполне человеческая, и двигался он по-человечески".

Следующее сообщение также от человека, проведшего раннюю часть своей жизни на Чукотке. Иван Сонков в детстве жил около рек Большой и Малый Анюй, правых притоков реки Колымы, и трижды сталкивался там с гоминоидами и их следами. Приводим выдержки из его письма (ИМ, Вып 10, № 631):

"Вырос я на Чукотке, в оленеводческом совхозе. Нас, мальчишек, тогда очень рано приучали к самостоятельности. В семь лет я сделал первый выстрел, а в десять уже получил ружье в подарок. С раннего детства я знал о "диком человеке", который ходит по лесу и забирает к себе людей. Позже я узнал другое название этого "человека" – КЭЛЕ. Это "чукотский черт" или оборотень.

31 августа 1965 года на озере Соболе я видел такого "человека". Нас было трое мальчишек. Гуляя возле озера, мы заплутались на перекрестке дорог и решили подождать на месте, чтобы не заблудиться (нам было тогда по семь лет, и на другой день мы все трое должны были пойти в школу). Вскоре мы увидели "чукчу". Он шел по дороге с севера на юг. До него было еще далеко, и мы, лежа на склоне берега в 70 метрах от дороги, ждали его. Мы ели бруснику и смеялись: "Какой дурак – летом, и в шкурах!" "Чукча" уже поравнялся с нами и вдруг встал на четвереньки и стал кого-то ловить возле дороги. Кто-то из ребят вскрикнул: "Стойте, это не человек!" Мы прижались к земле и стали наблюдать. Только тогда заметили, что шкура бурая, совсем не оленья. Мы решили, что это медведь. Отметили, что ветер дует в нашу сторону – это нам на руку. Мы потихоньку переговаривались, но он нас не слышал. Поднявшись, он пошел дальше по дороге, и как только он скрылся за лесочком, мы вскочили и убежали в поселок, без всяких дорог – напрямую! В тот же день я показывал отцу это место. На дороге были следы человеческих ног. След был большой, но меня поразила длина шага. Отец, опытный таежник, не стал меня пугать и сказал, что здесь просто пробежал человек. Босиком, по тайге?!

Через два года отец взял меня с собой на работу в ночную смену. Ночи были еще светлые и я, чтобы доказать свою смелость, отправился на кладбище собирать ягоду к чаю. На одной из могилки я нашел голубику и на некоторое время отвлекся, потом глянул вперед и остолбенел: в двух метрах от меня были ноги. Я посмотрел вверх и увидел, что совсем рядом стоит невеста откуда взявшийся человек. Я опять принял его за чукчу в шкурах. Он стоял спокойно, в руке держал посох и как бы опирался на него. Он чего-то ждал. Он смотрел мне в глаза, но я не понимал его. Весь его вид говорил, что он подошел ко мне с какой-то целью и чего-то ждет, но глаза его совершенно ничего не выражали. Напугавшись до смерти, я бросился к реке. Человек как-то странно отшатнулся. Прибежав к отцу на баржу, я рассказал ему об этом "человеке", и мы пошли на кладбище. Напротив того места, где находился я, были видны два отпечатка ног, огромных по размеру, и палки диаметром примерно 3-4 см. Палка была обрезана (вероятно подобрана). По следу было понятно, что подошел он ко мне по тропе, с северной стороны,

возле меня он сошел с тропы, сделал два шага в мою сторону и остановился передо мной, насторожив своей тенью. Ушел он вдоль плавающих островов на юг, обойдя сзади коровник. Непонятно было только, когда он мог уйти. У нормального человека только бегом хватило бы времени на такое расстояние. Так и осталось непонятным, чего он от меня хотел. Ведь он стоял рядом со мной и чего-то ждал. Я думаю, что он просто ждал меня, хотел взять с собой. Ведь я, с его точки зрения, вел себя вполне естественно. Я ел ягоду – дело очень полезное, и он ждал, когда я закончу. Он просто терял время, и поэтому глаза его ничего не выражали. Он как-то угадал мое желание – мне было жутковато и хотелось, чтобы рядом был кто-то из взрослых. Он не собирался нападать на меня. Тем не менее, для меня опасность исходила с его стороны, сзади. Поэтому он и отшатнулся, как я подумал. Это было не что иное, как реакция на опасность.

В третий раз я видел на следующий год его следы. Мы купались чуть ниже того же кладбища. Была вторая половина лета. Нас было человек шесть ребят. Мы заметили человеческий след. Он привлек наше внимание своими размерами – длиной не меньше 40 см. Шаг был длиной около метра. След вел из кустов к реке, по направлению к острову. Глубина реки в этом месте и в это время была примерно три метра. Человек прошел к острову прошлой ночью, песок уже подсыхал на солнце и осыпался. Ясные отпечатки сохранились только около воды. Возможно, он переплыл, возможно, отыскал мелкие места и перешел на остров. Но то, что он не зашел к людям в коровник на левом берегу и то, что он не перешел на правый берег в поселок, это было ясно с первого взгляда. Да и делать в кустах босому человеку было нечего. Река возле поселка течет с юга на север, человек шел вверх по течению, то есть в южном направлении. Три случая имеют одно общее: в конце лета КЭЛЕ идет на юг, но на юге ему делать нечего, т.к. места там точно такие же, как и у нас, да еще и реку Большой Анюй надо пересекать. Климат точно такой же, как и у нас. Возникает вопрос – куда же он мог идти? То, что он шел на зимовку, это понятно, вполне возможно, что в сентябре у них начинается гон. Я проверил по картам – ему некуда идти, кроме Анюйского хребта. Там в скалах, где растет мох и кустарник, где нет вечной мерзлоты, он и залегает зимовать. Если верить чукотским сказкам, кэле живет в каменной яранге. Каменная яранга – это не что иное, как скала. Иногда он живет в яме. Яма – это бывший погреб, в котором чукчи раньше хранили мясо. Такие "ямы" сохранились в разных местах, где в прошлые времена устраивали большие охоты на диких оленей, например, в районе переката Веселый, в 17 км от поселка Анюйск. Там в сентябре олени в этом месте переплывают реку. Раньше чукчи в таких местах били оленей с лодок, били копьями сотнями, складывали мясо в ямы про запас на всю зиму. Вполне возможно, что и кэле пользуется такими перекатами. С его ростом расправиться с оленем ничего не стоит. Там теплее, и ветер дует всегда в одну сторону. И еще одно – чукчи говорят, что женщины-кэле по лесу, как мужчины, не ходят, а живут в своей каменной яранге. Возможно, поэтому все видят только мужчин-кэле.

Кэле ходит почти бесшумно, очень умело, следов почти не оставляет. Если след и остается, то его очень трудно заметить, если не искать специально. Дело в том, что у него нет ни когтей, ни острых границ следа в обуви. Шаг длиной в метр и более не привлекает внимания, как обычная цепочка следов. И еще одно, он не боится человека, проходит совсем рядом, замечаешь его только случайно. Его поступки с нашей точки зрения не логичны, правильнее его называть не "человек", а "человеко-зверь", так как у него большая физическая сила, моментальная реакция, звериная интуиция и способность понимать чувства другого существа. Чукчи и орочи, да и русские охотники будут относиться к любой экспедиции настороженно и скептически. Те же люди, которые много знают, будут молчать. Дело в том, что, по поверью, про кэле нельзя говорить, нельзя на него долго смотреть при встрече, даже на его след, иначе кэле, даже если он вас не видел и не слышал, обязательно потом найдет. А встречаться с ним с глазу на глаз очень даже страшно!"

Вопреки утверждениям многих местных жителей и исследователей этнографов о том, что чучуна к настоящему времени практически исчезли, сообщения об их наблюдениях продолжают поступать.

Одно из них привел журналист газеты "Известия" А. Иллеш (1985):

"Федор Слепцов и житель таежной фермы Черпулай Владимир Норин, когда возвращались со строительства загонов для оленей по реке Дольной, видели его своими глазами. Раздался резкий свист, да такой сильный, что даже уши заложило. Оглянулись. На горе стояла черная фигура, похожая на человеческую. Длинная, рост два метра с большим. Моментом побежала она и быстро исчезла..."

Вверх по долине реки Охоты, что берет начало в отрогах хребта Сунтар-Хаята, живет бригадир оленеводов Алексей Чириков. Вот что он говорит о встрече с хэяком:

"Мои родители были пастухами. Ушли они как-то летом в тайгу собирать оленей. А мы, дети, отправились на ближнюю сопку за ягодами. И вдруг увидели приближающегося человека. Очень высокий, одет в шкуры, на голове конусом меховая шапка. Лицо темное и очень злое. Не помня себя, бросились мы назад к стойбищу... Это также район фермы Черпулай" (ИМ, Вып. 10, № 633).

Рассказ рабочего совхоза "Момский" Г.К. Старкова привел журналист Черепнин (1985) в газете "Кыым" (перевод с якутского) (ИМ, Вып. 10, № 632):

"Была середина сентября. Снега еще не было. Мы со В.И. Слекудовым пришли на участок Кубалаак косить сено. Палатку поставили на крутом берегу реки Индигирки. В тот день было очень тихо, спокойно.

Было два или три часа дня. Я отдыхал и смотрел в бинокль на далекую речку Таастаях, где купались утки. Напарник ушел посмотреть другие места для сенокоса. Я был один. Вдруг со стороны уток послышались какие-то странные звуки, вроде свиста "сир-сир", и впереди меня возникла большая тень. Я очнулся и увидел в 3-4 метрах от себя убегающую фигуру волосатого человека какого-то серовато-дымчатого цвета (туу теки – волосатый человек). Меня как будто ударило электрическим током, на какой-то миг я потерял сознание, но быстро очнувшись, я было побежал в палатку за ружьем. "Человек" остановился в 15 метрах от меня. Прибежала моя собака. Я обрадовался, что она оказалась рядом, но не тут-то было! Она напала на меня! Она была очень напугана, злая, на мои слова не реагировала, все бросалась на меня, не слушалась. Кое-как освободился от нее (я сумел дотянуться до палки и стукнул ее). Человека уже не было.

Я подумал, что схожу с ума, что все это мне померещилось, и решил уехать в деревню. Пошел к лодке, но тут увидел на песке его следы, настоящие и наяву. Тогда я понял, что все это мне не померещилось, что я в своем уме, и что я действительно наяву увидел его"...

В этом рассказе привлекает внимание необычное поведение собаки – по-видимому, от страха она перепутала источник опасности и напала на своего хозяина.

Рассказ другого опытного якутского охотника: "Рыбак на берегу Индигирки причалил к берегу, вышел из лодки и стал подтаскивать ее. Собака была уже на берегу, и тут он услышал резкий свист и визг собаки. Он оглянулся и увидел только то, что кто-то мигом промчался мимо него и скрылся в тайге. Собака сошла с ума, и ее пришлось пристрелить".

Сообщения А.Н. Владимирова (ИМ, Вып. 10, № 626):

"Живу я в поселке Хондыга, это 480 км от Якутска. Мне 28 лет, образование средне-техническое, работаю сварщиком на автобазе.

Довелось мне в прошлом году (1986) побывать на охоте на диких оленей. Охотились мы в Момском районе. Подружились с местными охотниками, лагерь которых был недалеко. Узнали о некоторых событиях, связанных там с чучуной, в том числе о таком.

"Один охотник был на охоте зимой. Сидел он под вечер в палатке, и вдруг слышит шаги. Но не должно быть здесь человека вокруг на сто километров. Так он подумал. Охотник был

человек бывалый, и всю жизнь провел в тайге. Якуты, насколько я знаю, вообще очень хладнокровные люди. Так вот охотник, услышав шаги, остался сидеть в палатке. Кто-то подошел к входу, открыл палатку и просунул голову под полог – это был чучуна. Дед, конечно, оторопел, а чучуна рукой показывает на стол, на котором лежал ужин. Дед начал брать со стола разные продукты и протягивать ему, но тот ничего не брал. А когда дед протянул ему папиросы (?), он взял их и ушел.

Конечно, этому поверить трудно, но рассказывал серьезный человек, лучший охотник Момского района. Не верить ему также трудно".

Вообще говоря, этот случай без труда поддается разумному объяснению. Известно, что гоминоиды с интересом посещают стоянки и лагеря, оставленные охотниками и рыбаками. Там они и могут познакомиться с табаком в виде окурков и забытых сигарет, получить к нему вкус. Наблюдая за конкретным охотником, чучуна мог понять, что тот для него безопасен, и попросить желаемое.

Из письма Н.И. Кокорева (ИМ, Вып. 10, № 628):

"В 1986 году я работал в Янской геологоразведочной экспедиции (поселок Батагай, Якутия) и слышал, что в 50-х годах в поселке Табалах, или около него, был убит "дикий человек". Это была женщина. В Якутии его называли чучунаа. Якобы еще жив человек, убивший его.

Поселок Табалах расположен на реке Адыча, недалеко от Батагая."

Сообщение Г. Толокнова (ИМ Вып. 10 № 627):

"В 1974-75 гг. я жил в Якутии. Слышал о "снежном человеке". Работал в разведке и старателем. Часто у нас были разговоры и споры на эту тему. В 1985 году я был на реках Кэмюсе, Полярнике, Адыче, Челкеленье, Эльги. Это район работ прииска Маршалский. И на север – до Батагая. Там я неоднократно слышал рассказы о том, что люди видели (вплотную) и убивали "снежного человека", даже недавно, в 60-65 годах. Рассказывали также, что этого "человека" видели на реке Мому. Хотя я заядлый охотник, врать не буду – я не видел".

Мнения о природе феномена

Ознакомившись с сообщениями, представляющими основные черты загадочных существ, обитающих в крайне суровых природных условиях на северо-востоке Азии, обратимся к суждениям ученых, обращавших свое внимание на эту проблему.

В своей книге "Таинственный чучуна" Илья Гурвич (1975) подвел итог знаниям, полученным о неизвестном существе (человеке? человеко-звере? но безусловно – гоминоиде) ко времени ее написания. Он привел мнение профессора П.Л. Драверта (1933), который первым выступил с предложениями научного изучения этого феномена. На основании уже тогда имеющихся данных, Драверт пришел к заключению, что "теперь уже трудно отрицать существование в Якутии своеобразных представителей человеческой породы, близких по образу жизни к людям каменного века". К сожалению, призыв Драверта остался без должного отклика, и реакция ученых была в духе сведения неизвестного феномена к привычным и безобидным для них толкованиям. В том же номере журнала рядом со статьей П. Драверта была опубликована заметка известного якутского этнографа Г.В. Ксенофонтова, который противопоставил сведениям Драверта мнение, что они должны быть отнесены к "первобытным верованиям, отчасти к народному фольклору".

Здесь нужно отметить, что Г. Ксенофонтов был хорошо знаком с предметом этой научной дискуссии, сам собрал много свидетельских материалов. Приведем один такой рассказ:

"Вот мои записи народного фольклора якутов Булунского района, характеризующие упомянутые образы якутской мифологии (со слов Афанасия Винокурова, якута 65 лет, Жиганского улуса).

Чучуна снимает шкуру с дикого оленя целиком, как мы сдираем шкуру с зайца, и натягивает на себя. Когда высохнет шкура и начнет сжимать его тело, он заводит такую же новую оде-

жду. Говорят, он, подобно медведю, роет себе нору в земле. Люди редко встречаются с ним, но всегда видят его убегающим. Он будто бы бежит с быстротой летящей птицы. Ходит всегда один, при виде человека убегает".

Имея в настоящее время гораздо больше сведений, мы понимаем, что Афанасий Винокуров говорил этнографу чистую правду, которую тот отверг. Отверг он сообщения и других правдивых информаторов. Почему? Этот вопрос не к нам, скорее к специалистам по психологии научных работников.

Нет ответа и на вопрос, знали ли Драверт и Ксенофонтов о вооруженной стычке группы чучуна с отрядом красноармейцев в 1921 году, направлявшимся в Верхоянье для установления советской власти. О ней было недавно сказано в телефильме Первого канала "Ожившая легенда". Согласно докладу командира отряда, произошло это следующим образом.

Олений караван, в котором были 20 красноармейцев и местные каюры, шел своим маршрутом, когда на него из засады полетели стрелы с каменными наконечниками. Нападающие скрывались за холмиками снега. Бойцы открыли ответный огонь из огнестрельного оружия, убив и ранив несколько нападавших. Бой прекратился. Когда бойцы подошли к месту, откуда летели стрелы, они увидели, что противник ушел, забрав с собой убитых и раненых.

В фильме показано, что этот рапорт командира до сих пор хранится в Национальном архиве Якутии, и сотрудница архива продемонстрировала его папку перед камерой. Было бы полезно, чтобы полный текст этого рапорта был доступен исследователям.

Никто в этом районе, кроме чучуна, не мог совершить нападение на людей с применением каменных наконечников. В описанном случае они вели себя как защитники территории своего палеолитического племени.

Интересно, что через 40 лет после Драверта и будучи знакомым с его мнением, а также и с противоположным, собрав лично убедительные сведения, Илья Гурвич развивает собственную версию, также уводящую в сторону от естественнонаучной:

"Рискованная весенняя охота на ледяном припаяе, игравшая важную роль в жизни азиатских эскимосов, береговых чукчей и отчасти береговых коряков, нередко заканчивалась трагедиями. Промышленники оказывались в ледяном плену. Отрываемые ветром льды увлекали с собой зверобоев и несли на запад. Иногда льды прибивало течением к арктическому побережью Якутии. Чудом спасшиеся охотники оказывались на твердой земле, но, согласно обычаю, уже не могли вернуться на родину. Там они считались мертвыми. Спасшиеся одиночки попадали в новую, для них непривычную обстановку. Здесь не было скоплений морского зверя. Потерпевшие бедствие имели снаряжение, взятое с собой на промысел, — нож, копье. На побережье они могли изготовить из плавника лук, стрелы, а из расколотых костей — наконечники.

Робинзоны вынуждены были охотиться на дикого оленя. Однако охота на него с копьем, луком и стрелами малоэффективна. Голод преследовал похищенных льдами, заставлял их подбираться к стойбищам оленеводов или заимкам рыбаков. Но, считавшие себя отверженными, ставшие бродягами, бывшие морские зверобои не решались распахнуть двери людских жилищ. Оставалось одно: красть еду или завладеть ею, напугав счастливых обладателей пищи. Бродяги так и поступали. И лишь иногда, доведенные до крайнего отчаяния, нападали на охотников, рыбаков. В этом случае их, как правило, ждала гибель.

Итак, чучуна, мюлены, дикие, "худые" чукчи — не "своеобразные представители человеческой породы, близкие по образу жизни к людям каменного века", как писал профессор П.Л. Драверт, и не духи-приведения, как полагал В.Г. Ксенофонтов, а реальные охотники-зверобои с побережья крайнего северо-востока Сибири, потерпевшие бедствие.

Загадочные и фантастические элементы легенды о чучуне оказались легко объяснимы".

Да, это совершенно легко объяснить, если не знать или произвольно толковать фундаментальные законы развития живых организмов, пренебрегать ими. Тогда миф можно положить в основу объяснения реальности.

Обратимся к исходным представлениям чукчей о таких событиях в изложении известного чукотского писателя Юрия Рытхеу в его повести–легенде "Тэрыки".

Героя повести Гойгой уносит в океан на льдине. Дома остаются его жена Тин-тин, брат Пины и еще один брат. Оставшись на льдине, Гойгой вспоминает, что когда-то слышал о таких случаях среди своих:

"Более всего было страшных рассказов о тех, кто, претерпев лишения и голод во льдах, дичал и обращался в тэрыки-оборотня... Даже если он и высаживался на берег, он уже не мог жить среди людей. Обросший шерстью, озверелый, он бродил вокруг стойбищ, воровал мясо, убивал тех, кто попадался ему на пути... Это самая страшная участь, какая могла постичь унесенного в море охотника. Думая обо всем этом, Гойгой окончательно потерял сон. Он встал со шкур и отправился на край льдины взглянуть в сторону скрывшегося во мгле берега."

Продержавшись в невероятных мучениях на льдине один или два месяца (полярное лето коротко), Гойгой к осени смог достичь берега.

"Едва ступив на берег, Гойгой почувствовал такую усталость, что дальше не мог идти. Повалился на колени и дальше уже пополз, помогая себе руками. Выполз на покрытую свежим снегом тундру, приник к желтым травинкам и заплакал, нюхая землю. Томимый жаждой, он нашел подернутый тонким ледком бочажок, разбил лед и приник воспаленными губами к желтоватой, пахнущей мхами воде. Он пил, закрыв глаза, изредка отрываясь передохнуть. Навпившись, взглянул на свое отражение и... отшатнулся! Он не мог поверить своим глазам! Осторожно, чтобы не зарыбить зеркало воды взволнованным дыханием, Гойгой снова наклонился над бочажком и не мог сдержать вопля ужаса — на него смотрело обросшее жесткой шерстью лицо тэрыки-оборотня."

Еще не веря своим глазам, Гойгой отвернул лохмотья рукава, но и руки тоже были покрыты такой шерстью... Гойгой обнажал одну часть тела за другой и везде видел одно и то же: короткую, жесткую и густую шерсть. Так вот почему он больше не чувствовал холода!

Вцепившись зубами в шерсть на руке, Гойгой попытался оторвать ее, но она держалась крепко. В отчаянии Гойгой поднял голову к низкому небу, навстречу падающим снежинкам и завыл, заплакал в голос, далеко оглашая притихшую тундру, медленно надевающую свой белый зимний наряд.

"Волки завыли", — подумал Пины, прислушиваясь к отдаленным крикам."

Скоро становится известным, что около стойбища бродит оборотень-тэрыки. Жители не могут этого терпеть, и убить его должны его же родственники (семья, в которой охотник потерялся в море), чтобы в селении не возникло кровной вражды. Братья Гойгой выступают против оборотня.

"Тин-Тин мчалась с развевающимися волосами. Как тень от уносимого ветром облака, она промчалась мимо братьев с криком:

– Не убивайте его! Он ваш брат! Не убивайте его!

Гойгой схватил Тин-Тин. Ее глаза были полны слез. В последний раз он видел их, в последний раз он видел мир, облака, ощущал холодный ветер, в последний раз видел братьев, которые целились в него. Собравшись с силами, Гойгой отбросил от себя Тин-Тин и шагнул навстречу братьям. И в то же мгновение он почувствовал, как в грудь с тупым звуком впились две стрелы. Боли не было. Был удивительный ясный свет, в котором он поплыл, слыша удаляющиеся крики людей.

Тин-Тин подбежала к Гойгою, но на его широко открытых глазах уже не таяли снежинки. Под этим нетающим снегом с лица Гойгой сходила шерсть, и он представал перед Тин-Тин и изумленными братьями таким, каким он уходил в то весеннее утро... "

Гипотеза Ильи Гурвича также не может быть признана реалистичной вследствие биологической невозможности осуществления этого процесса. Такие морфологические отличия чучуна от населяющих эти края народов, какие отмечены свидетелями (громадный рост, необыкновенные физические возможности, волосистой покров всего тела, поразительная холодоустойчи-

вость, в том числе передвижение босиком при любой суровой погоде и по любому грунту и т.д. и т.п.) невозможны без существенных изменений генетического аппарата организма, а они происходят в течение многих и многих поколений.

Люди различных народов за долгую историю человечества попадали в самые различные труднейшие, физически и морально, ситуации, и никогда они не демонстрировали таких морфологических и психологических превращений, как человека в обволоченного гоминоида с выдающимися физическими возможностями и морфологическими особенностями ископаемых антропоидов. В жизни примеры таких превращений полностью отсутствуют. Чукчи, как один из народов Земли, в этом отношении не являются исключением, возникновение таких изменений за 2-3 месяца во льдах у них абсолютно невозможно.

Илья Гурвич в 1970-е годы интересовался работой семинара по реликтовым гоминоидам при Дарвиновском музее в Москве и посещал его заседания. Там у него иногда возникали научные дискуссии с Владимиром Пушкаревым, который также проводил исследования в Якутии и придерживался точки зрения П. Драверта (как и автор этой книги). Они так и не пришли к согласию.

В заключение этой главы приведем интернет-публикацию, из которой следует, что на суровых просторах Северо-Восточной Азии помимо гоминоидов чучуна могут обитать приматы более низкого ранга (Аноним, 2002):

В середине марта 2002 года Верхоянском улусе, в районе села Барылас (название в переводе с якутского означает "ревуший"), в охотничий капкан на волка попало странное существо. К тому времени, как его обнаружили, оно было мертво. По словам учителя средней школы соседнего наслега Борулах Якова Потапова, существо это описывают как примата, причем не детеныша, а взрослого. Размером оно было с крупную собаку, имело длинный хвост, все тело, кроме ладошек и лица-морды, было покрыто шерстью. Яков Васильевич сделал приблизительный набросок существа, попавшего в капкан (у нас рисунок отсутствует – *М.Т.*). Факт странной находки частично подтвердил в администрации Верхоянского улуса Лаврентий Илларионович Васильев. Он затруднился дать точное описание, по его версии, это может быть что-то типа "мутанта буучээн (кабарга), с длинным обезьяньим хвостом". По традиции существо называли чучуной, хотя у гоминоидов хвостов не бывает.

Непонятно, что случилось с его трупом. То ли его разорвали собаки, то ли, по другой версии, испугавшись злых духов, зверушку похоронили вместе с капканом. Ясно лишь, что по официальным каналам сообщать о находке сразу не стали.

Глава Сарганской наследной администрации Сергей Софронович Слепцов о последнем случае не слышал, однако рассказал о встрече с непонятным зверем осенью прошлого года. Тогда молодой парень случайно нашел мертвое животное, отдаленно напоминающее то ли выдру, то ли бобра, то ли маленькую обезьяну.

Родственники охотника, с которыми нам удалось связаться, сказали, что находка была предана земле с соблюдением старинного обряда (сиэр-туом), чтобы не навлечь на жителей беды и несчастья. Говорят, старики, увидев зверя, сказали всего два слова: "Абаасы кыыла" ("Зверь абаасы"). Значит, не первый случай? Старики знали о таких зверях? Нежелание местных жителей связываться с трупом объяснимо. По якутским поверьям, кровь чучуны сводила и охотника, и его семью с ума, а через некоторое время причиняла смерть.

* * *